

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о ваших личных намерениях и целях. Какие исследовательские планы имеются в вашем багаже? Что уже осуществлено, что предстоит сделать?

Ответ: Ближайший план - книга, о которой я говорил. Далее мы начинаем исследование по гранту РГНФ, смысл которого - изучение процессов конструирования социальной реальности разными группами населения страны.

Интервью подготовил и провел В. В. Козловский

. А. Тириакиян

**ПИТИРИМ СОРОКИН:
МОЙ УЧИТЕЛЬ
И ПРОРОК СОВРЕМЕННОСТИ***

Предисловие

Для меня большая честь и удовольствие выступить на этом памятном собрании. Мы все приехали сюда из различных стран с различным историческим опытом, и это имеет разные значения для нашей жизни. Однако, собравшись здесь, мы сразу же объединяемся в единую интеллектуальную семью, в центре которой наши чувства восхищения, любви и уважения к Питириму Александровичу Сорокину, который родился в глухой деревне в России 110 лет назад. Я уверен, что этот великий *провидец*, - потому что Сорокин предвидел как наше время и условия человеческой жизни в период поздней модернизации, так и развитие социологии [1] - был бы очень рад, что его работа получила признание на его родине. И что принесло бы ему наибольшее удовлетворение, это то, что его «возвращение на родину» способствовало стимуляции дальнейшего развития постсоветской, посткоммунистической социологии в Российской Федерации и СНГ. Более того, он знал из своего личного опыта и наблюдений, что нужно для того, чтобы социология могла играть конструктивную роль в перестройке российского общества в переходный, кризисный период.

Накануне революции более 80 лет назад социология в России только начиналась, и Сорокин, еще будучи студентом, тогда, когда не было еще факультета социологии, занялся изучением права и обществоведения, уже в возрасте 25 лет опубликовал работу «Преступление и кара». Ему довелось в последующие несколько лет быть свидетелем стольких преступлений и наказаний, большинство которых были политическими, совершавшимися защитниками общественного порядка. Я вернусь еще к этому вопросу, когда буду говорить о его исследованиях «поздней модернизации».

Когда он стал первым заведующим кафедрой социологии в Петроградском университете в 1919 г., он уже пережил, как и Достоевский, «опыт приговоренного к смертной казни». Я думаю, что американцы не могут представить, какие тяжкие испытания перенес Сорокин в период 1917-1921 гг. в качестве политзаключенного и пережившего ужасный голод, который, к сожалению, является уделом многих русских и сегодня.

Как мы знаем, Сорокин покинул свою родину в 1922 г., и с его отъездом, а также с

отъездом Георгия Гурвича, его университетского товарища, который обосновался во Франции и фактически обновил французскую социологию в Сорбонне², Россия потеряла двух великих социологов нашего века. Сейчас, на пороге нового века, признание Сорокина и его «социологии вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня», заимствуя термин из его президентского обращения 1965 г. [3, Р. 833-843], будет во многом способствовать ренессансу русской социологии. В свою очередь, согласно традиции, которая восходит к основателям нашей дисциплины Сен-Симону и Конту, ренессанс социологии должен иметь в качестве конечной миссии перестройку современного демократического общества России, которое не будет ни копией прошлого, ни копией какого-либо современного постиндустриального общества.

* Автобиографические заметки об этом см. у Джорджа Гурвича [2, с. 3-12]. Сорокин и Гурвич сохранили связь на всю жизнь, что отражается в том, что Гурвич участвовал статьей «Социальная структура и множественность времен» в юбилейном издании в честь Сорокина, которое я подготовил в 1963 г. (Sociological Theory, Values and Sociocultural Change), а Сорокин написал вступление к работе Филиппа Боссермана, где он представлял социологию Гурвича («Диалектическая социология», 1968), это была одна из последних работ Сорокина. [Назад](#)

Но это было бы претенциозно с моей стороны говорить о будущем России и русской социологии. Что мне хотелось бы здесь, это, во-первых, поделиться своими краткими воспоминаниями о человеке, которого я знал в течение последних 15 лет его жизни, и, во-вторых, привлечь внимание к его работам последнего периода, которые, хотя и не такого же социологического масштаба, как его великие работы, опубликованные в 1920, 1930 и 1940-е гг., тем не менее удивительно современны. Нет сомнений, что Сорокин был социологическим гигантом, чьи пионерские исследования «Социология революции», «Социальная мобильность», «Современные социологические теории» и, конечно, «Социальная и культурная динамика» (называя только наиболее выдающиеся) - очертили основные рамки для важных социологических проблем. Но хотя он был академическим профессором, он был также пророком, который чувствовал свою ответственность, чтобы критиковать и изобличать определенные условия и поведенческие модели современного модернизированного общества, чтобы предупредить о последствиях и попытаться подготовить нас к преодолению ценностного кризиса поздней модернизации. Перечитывая его «мелкие работы» 1950-х и 1960-х годов, я был поражен тем, насколько они адекватны, если не ко всему западному миру, то, по крайней мере, к США как к стране, являющейся форпостом модернизма. Следовательно, во второй части моего сообщения я коснусь того, что Сорокин говорил в частности о власти, сексе и морали - темы, которые особенно актуальны для американской нации сегодня. Учитывая, что эта международная конференция внесет вклад в новые связи между американской и русской социологией, я также хотел бы обсудить некоторые вещи, которые Сорокин говорил о США и о России, и здесь, я полагаю, он также был пророком.

Призвание пророка часто дорого обходится человеку, так как повседневный мир институционализированного общества не любит тех, чей голос является «гласом вопиющего в пустыне», а Сорокин был таковым большую часть своей жизни. И он дорого платил за это.

Что касается личности Сорокина, я не думаю, что ему *нравилось* критиковать своих современников, будь то в области социологии или в других сферах. Однако его деятельность и печатные труды были критическими, он критиковал тенденцию западного общества к переходу в «состояние дегенерации», критиковал социальные элиты и критиковал то, что он называл «псевдонаучными» ориентациями социальной науки. В этом отношении Сорокин был резким и непримиримым и не старался быть вежливым со своими американскими коллегами, так же как это делал Торстейн Веблен за поколение до него или С. Райт Миллс.² Он не был человеком *склочным*, как некоторые пророки; он был одновременно человеком *страстным* и человеком *сострадающим*. Поэтому позвольте мне вернуться назад и рассказать кое-что о моих встречах с Сорокиным, а затем я поделюсь с вами тем, что я считаю наиболее важным, что имеет значение для нашей ситуации поздней модернизации.

* Хотя я не могу подробно рассматривать это здесь, интересная глава американской «критической социальной теории» еще должна быть написана, где будет проведено сравнение и конвергенция между Сорокиным и Миллсом в 1950 и 1960-е гг., и рассмотрена их общая критика псевдоисторических недостатков доминировавшей тогда теории «социологического воображения», и также их обвинения в адрес американской «властвующей элиты» и ее вовлеченности в войну против стран третьего мира, такую, как вьетнамская война. [Назад](#)

I. Сорокин: Первые встречи

Моя первая встреча с Сорокиным произошла осенью 1952 г., когда я стал аспирантом на факультете человеческих отношений Гарвардского университета. К 1950-м гг. Сорокин уже не преподавал (не вел курсы лекций и семинаров), но существовал ритуал, когда раз в неделю аспиранты по социологии собирались, чтобы встретиться со светилами факультета, которые спускались с олимпийских высот по этому случаю и выпивали стаканчик вина с неофитами. Я уже прочитал некоторые работы Сорокина во время моей учебы и, вероятно, лелеял амбицию в эти первые осенние недели написать докторскую диссертацию уровня «Социальной и культурной динамики», этого «блестящего опуса» (*magnum opus*), т.е. зрелой работы, не характерной для начинающего ученого, - и это будет оправданием выбора меня аспирантом ведущей кафедры страны, *ad astra per espem*. Я, возможно, поделился этой амбицией с другими аспирантами из моей когорты.

Каково же было мое удивление, когда Сорокин, посмотрев на нас, сначала на каждого из нас, а затем на всех вместе, улыбнулся и сказал:

«Дамы и господа, если я могу дать вам полезный совет, который другие вам не дадут, то это совет написать вашу диссертацию как можно быстрее и как можно лучше. Для диссертации выберите небольшую тему исследования, делайте ее

хорошо, но не тратьте на нее много времени. Получите свою профсоюзную карту, которой является докторская степень, и уже *потом*, после этого делайте что-то серьезное и стоящее!»).

Я был поражен, поскольку я ожидал, что Сорокин настроит нас на выбор для диссертации крупной проблемы, но эти его слова изменили мою ориентацию на аспирантские исследования и я действительно получил свою профсоюзную карту довольно скоро.

После этой короткой встречи я не предполагал, что мне представится случай снова встретиться с Питиримом Сорокиным, но судьба распорядилась иначе. В начале второго года моей аспирантуры осенью 1953 г. я обратился к директору по аспирантуре Гордону У. Олпорту (который был хорошим другом Сорокина), чтобы узнать, какое финансирование будет у меня на следующий год. Его секретарь сообщила мне, что я получил грант на преподавание, и она добавила, что в следующий семестр я назначен ассистентом-преподавателем у Сорокина на его курсе по истории социологической мысли. Может показаться странным в этой аудитории, но ее слова означали для меня все равно как если бы мне сказали, что я должен провести время в чистилище. Она добавила, что на следующий весенний семестр, когда меня прикрепят к кому-нибудь другому, я буду вознагражден

В 1950-е гг. облик Сорокина на кафедре был образом интересного человека, но маргинального, который прежде написал несколько очень хороших социологических работ, таких как «Социальная мобильность» и «Современные социологические теории», но затем в своих более поздних работах удалился не в социологию, а скорее, в социальную философию, мало полезную для аспирантов. И, кроме того, в 1950-е гг. существовал некий оптимизм об американском обществе и о социологии. После второй мировой войны было стремление перестроить социологию, совершить великие дела, и поэтому кто обращал внимание на пожилого человека, который возмущался состоянием вещей в мире и занялся исследованием такой не социологической проблемы, как альтруизм?

И все-таки работа ассистентом-преподавателем на этом курсе была наиболее счастливым событием моей академической жизни. Кроме того, извлекая выгоду из его громадной эрудиции, слушая его лекции, я также в самом начале семестра воспользовался тем, что он заметил меня, когда накануне одной из его лекций он простудился и у него сел голос. Его секретарь позвонила мне и сказала, что если я не захочу заменить его и прочитать лекцию, он сможет это сделать на следующий день, и я должен объявить классу, что лекция переносится из-за болезни проф. Сорокина. Я спросил, какая тема лекции, и секретарь сказала «Герберт Спенсер». В 1950-е гг. Спенсера уже не читали и не преподавали студентам социологии.* Но я сказал, что, конечно, я буду рад прочитать эту лекцию. Я бросился в Гарвардскую библиотеку и лихорадочно прочитал все, что мог, написанного Спенсером и о Спенсере, и дал лекцию на следующий день. Очевидно, это было не очень плохо, потому что слухи об этой лекции дошли до проф. Сорокина, и он пригласил меня в свой кабинет, чтобы поговорить о моих научных интересах. Он был рад узнать, что я интересуюсь философией и историей и, прежде чем закончился семестр, он проявил неожиданное гостеприимство,** пригласил меня (и мою невесту) к себе домой в Винчестер, где мы имели удовольствие познакомиться с Еленой Сороки-

ной, которая сама была замечательным ученым.

* Талкотт Парсонс писал в начале своей книги «Структура социального действия» (которая впервые была опубликована в 1937 г., в том же году, когда вышел первый том «Социальной и культурной динамики») знаменитую цитату известного гарвардского историка Крейна Бринтона: «Кто читает сегодня Спенсера»? Этого было достаточно, чтобы аспиранты не трудились читать что-либо об этом британском социологе. [Назад](#)

** Кроме других благожелательных жестов, Сорокин однажды позвал меня к себе в кабинет и сказал, что его друг, который заведовал кафедрой в университете Дюка, написал ему о том, что у него есть вакансия ассистента, и не может ли Сорокин порекомендовать ему кого-либо? Сорокин спросил меня, хочу ли я получить эту работу. Я был очень польщен, но сказал ему, что отказываюсь (я не слышал ничего об университете Дюка в то время!), потому что я всего лишь аспирант второго года обучения и еще не сдал экзамены и не закончил курсовую работу. Сорокин согласился, что было бы неумудро принять предложение. По странному совпадению оказалось, что тогда я впервые услышал о том месте, где я провел большую часть моей академической карьеры. [Назад](#)

Было много мелочей, которые способствовали развитию моих отношений с Сорокиным и которые переросли в дружбу на всю жизнь. Я скоро стал ценить его как одного из самых мощных интеллектов, когда-либо встреченных мною. И вероятно, именно это его качество давало ему превосходство по сравнению с его соперником по кафедре Талкоттом Парсонсом (который также имел мощный интеллект). Потому что, по крайней мере, аспирант социологии не мог сравняться интеллектуально с Сорокиным: он просто знал так много и имел такие сильные убеждения, что можно было только слушать его благоговейно; ничего или немного можно было предложить ему в качестве интеллектуального обмена. Я, вероятно, чувствовал бы такое же благоговение в присутствии Макса Вебера. Парсонс же, напротив, казалось, хотел иметь интеллектуальное сотрудничество со своими студентам (и фактически, со многими студентами других дисциплин), и он стал консультантом моей диссертации (насколько мне известно, Сорокин не руководил и не консультировал докторские диссертации в период перед уходом в отставку). Когда я был студентом, один блестящий историк преподавал мне историю *дипломатии*, но моя аспирантура в Гарварде дала мне замечательный практический опыт дипломатии, когда я балансировал между моим руководителем диссертации Талкоттом Парсонсом и Питиримом Сорокиным, моим старшим другом. Окончательной проверкой этого хождения по натянутой проволоке было распространение Сорокиным среди своих студентов и коридорах факультета десятистрочного документа, в котором он рассматривал «Сходства и различия между двумя социологическими системами». Проводя сравнение между работой Парсонса «Социальная система» и ранее опубликованными работами Сорокина, читатель этого документа (который мог бы носить заимствованное у Достоевского название «Социологические записки из подполья») мог сделать вывод, что Парсонсу не удалось бы оправдаться перед Сорокиным за поразительное сходство концептуаль-

ных схем. Я не буду больше распространяться об этом эпизоде, но я помню, как мне было грустно, что эти два гиганта социологической теории сталкивались между собой.

Это, конечно, было проверкой моих дипломатических способностей взаимодействия с обоими учеными, при том, что каждый из них знал, что поддерживаю отношения с другим.

Теперь я оставлю свои воспоминания и перейду к основной части своего выступления, которое сфокусировано на следующей проблеме: в чем актуальность Сорокина в сегодняшний период поздней модернизации?

II. Актуальность идей мировоззрения Сорокина

Присущее Сорокину острое чувство социокультурных изменений, опыт которого он получил в годы формирования его взглядов, когда происходило множество насильственных действий, и которое он приобрел, объективно изучая историю, позволило ему сделать анализ «глубинных структур», которые лежат в основе широкомасштабных общественных систем, а также поставить диагноз будущих тенденций. Он являл собой пример того, что С. Райт Миллс считал необходимым для «социологического воображения» [4].

На общем уровне чтение Сорокина сегодня - это стимул для социологического воображения, *потому что очень многие его работы предвосхищают основные и наиболее значительные аспекты нашей сегодняшней ситуации*. Более того, вызов социологам, брошенный в работе «Россия и Соединенные Штаты» - это выведенное из его публикаций то, что может быть названо «исследовательской программой по интегральной социологии». Отправной точкой должен быть подход Сорокина, который принимает за сравнительную единицу макроанализа цивилизацию, а не страну-государство. Структурный и динамический анализ цивилизаций *и их интерпретации в огромном множестве разных процессов глобализации* дают громадное поле для сравнительных исследований. Это особенно справедливо для США и России, т.е. обе эти страны были и продолжают быть подверженными влиянию многих цивилизаций в результате как прежних территориальных завоеваний, так и современной иммиграции.

Несколько лет назад известный американский политолог Самуэль Хантингтон выдвинул идею, что эра, наступившая после холодной войны, превращается в новый международный порядок, состоящий из цивилизаций, а не из государств, которые конкурируют за ресурсы модернизации; и его анализ признает приоритет Сорокина в изучении цивилизаций [5]. Я согласен с Хантингтоном в том, что настало время, когда «цивилизация» должна стать стратегической единицей макроанализа, потому что она является крупномасштабной социокультурной единицей в появляющемся «глобальном веке». Имеющей больше смысла, чем страна-государство, которая была основной макро-единицей анализа (даже в так называемом «анализе мировой системы», которому недостает культурной специфики и дифференциации). Но Сорокин, вероятно, не согласился бы с дальнейшим рассуждением Хантингтона, что различные цивилизационные условия - например, западная, исламская или конфуцианская цивилизации - имеют фундаментально нулевой результат в конкуренции друг с другом за ресурсы модернизации. Если я верно прочитал Хантингтона, он, кажется, делал вывод, что самой лучшей политикой для

США и для Запада является отделение от вторжения других цивилизаций и от влияния на них, так, чтобы избежать глобального конфликта. Я не думаю, что это возможно при теперешних процессах глобализации, так как например ислам существует не только вне Запада, но также и все больше внутри Запада (североафриканские и турецкие иммигранты, осевшие в Германии, Франции и т.д.), ислам также существует и в Восточной Европе (на Балканах) и в бывшем Советском Союзе.

Я думаю, что Сорокин предложил бы как часть новой исследовательской программы изучить, как «интегральная социология» могла бы привести, после тщательного сравнительного и исторического исследования, к рассмотрению происходящего культурного синтеза интерактивных цивилизаций, к скорее созидательным, чем деструктивным контактам. Такие контакты могли бы затем стать базой новых «идеациональных» или «идеалистических», форм социокультурных моделей, которые, как предвидел Сорокин, придут на смену старым в новом столетии и заменят уже истощенную чувственную цивилизацию.

В работах Сорокина я хотел бы привлечь ваше внимание к нескольким специфическим проблемам. Во-первых, в отличие от некоторых секуляризационных пророков периода поздней модернизации, которые смотрели на этот период с глубоким пессимизмом из-за неизлечимых пороков, Сорокин видел «свет в конце туннеля», потенциал для нового витка культурного роста и развития. Во-вторых, и это связано с первым, хотя Сорокин хорошо понимал в 1930-е гг. деструктивные возможности новых войн и других стихийных бедствий, вызванных деятельностью человека, он также и после войны в 1950-1960-х гг. не видел социокультурной основы для конфликта между Советским Союзом и США; нет нужды говорить, что это было время, когда «холодная война» была главной структурой международных отношений, включавшей очень много опасений и предчувствия в недалеком будущем многих катаклизмов между этими двумя странами.

Сорокин, который умер в 1968 г., не предвидел распада Советского Союза, но тогда никто этого не предвидел. Но я хотел бы упомянуть, что он в своем первом исследовании дал убедительный анализ того, что США и Россия *имеют очень много сходства и что они скорее будут друзьями, чем врагами*. Хотя это было написано в 1944 г., когда США и Россия были номинально союзниками в войне против держав Оси, уже тогда начало появляться некоторое недоверие, и Сорокин написал работу «Россия и Соединенные Штаты» [6], чувствуя, что это недоверие, основанное на якобы культурных и других различиях, могло иметь отрицательные последствия и должно быть скорректировано путем социологического изучения сходства двух стран.

III. Россия и Соединенные Штаты (1944)

Сравнительные социологические исследования Соединенных Штатов либо имеют тенденцию либо подчеркивать американскую «исключительность» (линия анализа, которая восходит к Алексису де Токвиллю и его ключевой работе «Демократия в Америке»), либо проводят сравнения с другими англо-саксонскими странами, с которыми они имеют общее наследие, в частности, с Канадой, которая находится к северу от США [7]. Намного опередив время, Сорокин в своем сравнительном исследовании США и России, хотя и выделяет некоторые мелкие различия, высве-

чивает довольно удивительные сходства в ценностях и институтах, начиная с фактического утверждения того, что эти две страны никогда не воевали друг с другом за всю историю США; анализ привел к выводу о возможности прочного мира между двумя странами. Нет нужды говорить, что в течение почти полувека большинство «экспертов» по русско-американским вопросам ожидали совершенно иного результата, и мы все очень рады, что Сорокин оказался прав. Это сравнительное исследование, сделанное в 1944 г., должно быть заново «открыто» новым поколением американских и русских социологов, которым любопытно узнать о «другой» стране.

Сорокин анализирует структурные факторы, лежащие в основе нерушимого мира, и этим он проявляет свое знание «изнутри» российской и американской истории, русских и американских социальных институтов. Обе страны, - указывает он, - характеризуются *единством разнообразия*, это сплоченное социальное целое, основанное на этнической и расовой гетерогенности, которая способствует культурному богатству и многообразию [6 с. 33]. Так же, как в США произошла отмена рабства в 1860-х, так и в России в 1861 году было отменено крепостное право. Сорокин развенчивает различные мифы о России, начиная от «беспощадного угнетения» этническими русскими других народов [6 с. 38] и кончая мифом о мистической, непрактичной «русской душе», которая является полной противоположностью рациональной, расчетливой, неэмоциональной «американской души» [6 с. 48]. Вероятно, еще более пронизательным был его вывод о коренном сходстве «*в существе демократической структуры основных социокультурных институтов*» [6 с. 63]. Иностранцы наблюдатели России - до-татарского и пост татарского периодов, и особенно второй половины XIX века и даже настоящего (вспомним, что это было написано в 1944 г.) послереволюционного периода - преувеличивали автократический аспект режимов в России, вплоть до уровня семьи. Сорокин обсуждает корни политической и экономической демократической природы крестьянской системы, представленной *миром и общиной*, и после 1861 г. местным провинциальным и муниципальным самоуправлением - *земством* (стр.75). С IX до XX в., отмечает он, политическая система России была по своему функционированию демократической, так же как и большинство европейских стран; и там, где царский режим проявлял автократические тенденции, это было под германским влиянием, «который подражал автократии Фридриха Великого» [6 с. 89]. Россия, как и США, после 1860-х гг. вступила в период большой модернизации, включая становление общества, в котором *все граждане равны перед законом*, с возможностями социальных достижений в соответствии с талантом. После того как была принята конституция 1906 г., в довоенной России были даны основные демократические свободы [6 с. 133], а также произошел значительный социальный (в вопросах здравоохранения и образования) и экономический прогресс (включая рост уровня жизни и дохода на душу населения), который почти был равен уровню США [6 с. 143].*

* Я встретил интересное подтверждение этому в докладе французского экономиста Эдмона Тьери [8, р. 261], который заключает свой доклад утверждением, что то, что происходит в России - это «великая экономическая реформа». [Назад](#)

Коммунистическая революция была неожиданным шагом назад, вину за который Сорокин возлагал в основном на таких преступников, как Троцкий, Рыков, Каменев и Зиновьев (с.207), но эта деструктивная фаза революции закончилась термидорианской реакцией в виде «политических чисток» 1930-х гг. Он считал, что подспудные демократические тенденции российского общества стали возрождаться и это будет продолжаться и после войны. США и Россия должны осознавать свою совместимость и даже взаимную дополняемость: Соединенные Штаты должны влиять на Россию с тем, чтобы оно покончила с нарушениями прав человека, тогда как Россия должна обогащать культуру, особенно искусства и науки в США [6 с. 210]; и обе страны должны сотрудничать с тем, чтобы построить новый мировой порядок без войн [6 с. 211]. В заключение Сорокин выдвигает в качестве условий для длительного мира реинтеграцию и переоценку современных материалистических ценностей, распространение обязательных норм и ценностей на все государства, ограничение государственного суверенитета в отношении войны и мира, и установление «высшей международной власти, облеченной властью принимать обязательные и поддержанные силой решения всех международных конфликтов [6 с. 235].

IV. Основные тенденции нашего времени (1964)

Сорокин начинает с диагноза трех долгосрочных тенденций нашей продвинутой модернизации. Во-первых, за многие годы до других Сорокин заметил, что центр творческого лидерства смещается с Европейского Запада через Атлантический океан на более широкую область Тихого океана [6 с. 13].* Этот эпохальный сдвиг принес «возрождение великих культур Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [6 с. 15]. Вторая секуляристическая тенденция - это упадок и разрушение доминирующей чувственной культуры и систем ценностей Запада. Третья тенденция - это эмбриональное зарождение нового «интегрального» порядка в обществе, ценностей и личности. Здесь он в сжатой форме представил большую часть того, что есть в работе «Социальная и культурная динамика», и его обсуждение первой тенденции предвосхитило всплеск недавнего интереса к «постколониальным исследованиям», которые дают слово не-западным культурам. Он отметил расширение научно-технического поля среди азиатских и африканских народов; расширение их креативного лидерства (отраженное в международных призах и наградах за выдающиеся достижения); растущее влияние на Запад восточных философий, религий, этических, легальных и художественных ценностей и т.р. [6 с. 65-67].

* Я не отметил предвидение Сорокина, когда писал статью [9 р.131-147]. Не заметил этого и Андре Гундер Франк в его более поздней работе о перспективе сдвига с Запада на Восток [10]. [Назад](#)

В качестве альтернативы против раздельного цивилизационного развития он выдвинул идею невраждебного взаимодействия между Востоком и Западом,

новый, дополняющий, комплиментарный, «интегральный порядок». Для Запада этот новый интегральный порядок потребует возрастания «спиритуализации» и «идеализации» западного мира путем «забвения чувственных псевдореальностей и превознесения вечный и универсальных чувственных ценностей» (с. 71); для восточных народов первоочередным вопросом является значительное улучшение материального положения масс [6 с. 71]. В сущности, есть настоятельная необходимость обновить существующие суперкультурные системы каждой крупной части человечества, которые сейчас представляют собой «дезинтегрирующий чувственный порядок Запада» и «окаменевший идеалистический порядок Востока» [6 с. 71]. Существует возможность в качестве альтернативы катастрофической дезинтеграции двух больших цивилизационных систем построить новый интегральный порядок, соединяющий творческие ресурсы обеих систем. Этот новый порядок, - добавлял он, - может развиваться только при условии отсутствия самоубийственной глобальной войны.

Лейтмотив Сорокина об «интегральном» порядке звучит также и позднее, там, где он вновь обсуждает вопрос о конвергенции между США и (тогда) Советским Союзом. Вспомним, что в то время, когда он писал это, был пик холодной войны и конфронтации СССР и США в ООН, и каждая сторона считала, что будущее принадлежит ей. Сорокин предполагает здесь, что если войны удастся избежать, в будущем доминирующей формой общества и культуры будет не капиталистическая, не коммунистическая, а скорее, промежуточная, интегральный тип между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни [6 с. 78]. Этот новый тип будет иметь унифицированную систему интегральных культурных ценностей, социальных институтов и типов личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических моделей.

Далее Сорокин в деталях рассматривает основные черты конвергенции, происходящей между двумя мирами, которые в значительной степени соответствуют его работе 1944 г., с некоторым обновлением материалов.

Меня могут спросить, как его видение поздней стадии модернизации выдерживает проверку временем.

С одной стороны, Сорокин, как и остальные, не предвидел бескровную «победу» капитализма над коммунизмом, так как в течение последних около десяти лет казалось, что мир (или, по крайней мере, властные элиты) стремится к переходу к рыночной экономике путем «приватизации» того, что раньше было «национализировано». Но я не уверен, что мы не наблюдаем сейчас эхо деструктивной фазы коммунистической революции, когда банда Троцкого и других пыталась сделать революцию перманентной и интернациональной за счет местных условий; и была термидорианская реакция, как вы помните, вызванная деградацией жизни и ухудшением условий жизни. Я думаю, что, возможно, будет серия термидорианских переворотов в разных частях света, но без возврата к политической автократии прежних режимов. И эти термидоры могут быть вызваны новыми движениями национального самосознания, секуляристскими или религиозными движениями, или какими-то новыми переходными формами обращения к совести или социальной справедливости, о чем говорил недавно Папа Римский, призывая простить долги третьего мира в год тысячелетнего юбилея.

Но Сорокин был прав, рассматривая США и Советский мир как проявляющие всех больше сходства, несмотря на идеологические заявления. В этой книге, как и раньше, он предвидел все увеличивающуюся *поляризацию* мира, но эта поляризация - явление внутри поздней чувственной цивилизации, когда с ускорением процесса распада и декаданса население становится все более поляризованным.

На негативном полюсе имеет место все большая деморализация в межгрупповых и межличностных отношениях, моральный цинизм, коррупция и вульгарный сексуализм [6 с. 141], отражающиеся в резком росте разводов, добрачного и внебрачного секса. Вот как Сорокин пишет об этом: «Мы в действительности живем в век огромной негативной моральной поляризации, которую вряд ли можно найти в истории человечества» [6 с. 141].

Негативная поляризация также производит положительную поляризацию, например, в форме неинституционализированной религиозности и интенсивного поиска лучшей реальности и высших ценностей, или окончания длительных ссор между конфессиями и поиска объединения религий, или альтруизма (Сорокин легко бы признал работу Матери Терезы «Медицина без границ» в этом русле), или освобождения народов от колонизации.

Еще раз хочу сказать, что Сорокин здесь выдвинул эвристичную концептуальную схему в виде идеи моральной поляризации - сильно отличающейся от марксистского понятия поляризации как ситуации классового конфликта. Но эта схема должна быть частью исследовательской программы изучения поздней стадии модернизации: тщательная оценка компонентов позитивной и негативной поляризации, которые можно изучать и внутри стран - например, США и России, и в глобальном масштабе.

V. Власть и мораль Американская сексуальная революция (1956).. Кто будет охранять охранников? (1959)

Теперь я рассмотрю две «маленькие», но в высшей степени релевантные и актуальные работы, опубликованные с небольшим промежутком времени. Вероятно, ничто не может служить лучшим примером или типологией ускоряющегося упадка «чувственной» культуры, чем радикальное ослабление сексуальной морали, с одной стороны, и рост преступности правителей, с усилением их власти, - с другой. В этих двух полемических и острых работах Сорокин коснулся того, что я считаю огромными «черными дырами» 1990-х гг., актуальных в США как нигде. Непосредственным толчком для работы «Американская сексуальная революция» послужила публикация доклада Кинзи о сексуальном поведении американцев (данные этого доклада подвергались сомнению относительно их достоверности). Но Сорокин пошел дальше этого доклада, проработав исторические документы прошлого и настоящего, чтобы показать появление «аморального общества». Он внимательно рассмотрел негативные социальные последствия сексуальной анархии, влияющие на семью, на искусство и на такие институты, как право. Он утверждал, что «когда ... сексуальное моральное разложение с его зловещими спутниками уже глубоко внедрилось в коллективный ум и тело общества, в его поведение и культуру, в его социальные институты и в образ жизни, общество редко добивается успеха в прекращении сползания к катастрофе и, как правило, оно скользит к самой страшной катастрофе» [6 с. 75].

И далее, Сорокин предупреждает, что «наша сексуальная свобода начинает распространяться за границы безопасности, начинает деградировать до анархии» [6 с. 132]. Эта «сексуальная анархия» проявляется в быстром росте разводов, уходов из семьи, добрачных и внебрачных отношений; граница между законным браком и внебрачной связью все более стирается (там же).

Глядя назад, на 1950-е гг., кажется, это был довольно умеренный прогноз американской культурной жизни, и, конечно, сегодняшние «Бумер поколение» и «Икс поколение» посчитали бы тогдашнюю сексуальную жизнь американцев далекой от сексуальной анархии. Действительно, большинство американцев моложе 60 лет не приняли и не признали бы наши сегодняшние сексуальные выражения в средствах массовой информации и в социальных отношениях как часть «сексуальной анархии» или того, что Дюркгейм называл «сексуальной аномией» [11. р. 1025-1053].⁴ Если бы Сорокин вернулся на американскую сцену, он обнаружил бы, что сблизись его самые худшие опасения относительно роста сексуальной анархии, будь то в количестве внебрачных детей (термин, возможно, не совсем политически корректный), частоте разводов (вред которых для детей еще должен быть оценен), поскольку ответственность семьи отступает на второй план перед «более удовлетворительными сексуальными отношениями»; обнаженность и симуляция совокупления становятся характеристиками фильмов типа «R», детская порнография, и последнее, но не менее важное, огромное внимание и сочувствие вокруг споров о требованиях гомосексуалов получить те же права и льготы, которые имеют остальные: в церковном браке, на работе и т.д. Короче говоря, «сексуальные предпочтения», кажется, дают почти неограниченную степень свободы. В предпоследней главе Сорокин, видя, что американская сексуальная революция, кажется, сползает к курсу полной вседозволенности, пишет: «Нет никакой общенациональной образовательной кампании, которая показывала бы нашим гражданам мрачные последствия гипертрофированной сексуальной свободы. Не была развернута борьба с промискуитетом, добрачными и внебрачными отношениями, разводами и распадом семей» [6 с. 131].

* Что касается последствий сексуальной аномии, я обращаюсь к этому вопросу в работе [12]. [Назад](#)

Следует добавить, что сегодня сексуальное образование в системе общественных школ, распространенное даже и ниже возраста teen-age, пропагандирует не абстиненцию, а «безопасный секс» путем инструкции, как пользоваться презервативами, и раздачей их. Тогда как, когда Сорокин писал это, существовал в американском (и советском) обществе идеал целомудрия и моногамии, даже если были нарушения этого идеала, - сегодня в США девушка-старшеклассница или студентка колледжа, говорящая «нет» - это скорее отклонение от нормы, принятой у сверстников, чем правило.

Какова же цена? Сорокин предвидел ужасные последствия проникновения в нашу культуру и социальные отношения сексуальной анархии. Действительно, «у нас тенденция к сексуальной анархии еще не принесла катастрофических последствий.

Но тем не менее синдромы серьезной болезни уже появились» [6 с. 133]. Вероятно, Сорокин увидел ранние признаки распространения инфекций, болезней, которые передаются половым путем. Но глобальная эпидемия СПИД, которая появилась внезапно в 1980-е гг. в сексуальной анархии голубой культуры в крупных городских районах (в барах, банях и т.п.), явилась чумой в истории человечества, которая распространилась из центров «цивилизации» в страны третьего мира и особенно поразила районы Африки к югу от Сахары, где от 1/4 до 1/3 взрослого населения заражены вирусом СПИД. Нет необходимости говорить о том, что смертельный вирус распространяется (отчасти из-за шприцев) и на гетеросексуалов, как, например, больных гемофилией, получивших зараженную кровь путем инъекций, жен бисексуальных мужей, детей, заразившихся в утробе матери. Сорокин был бы весьма огорчен этим, так как известно его сострадание людям, но он не был бы удивлен этими ужасными последствиями сексуальной анархии. Что касается морали власть имущих, он провел представительное исследование со своим бывшим студентом Уолтером Ланденом, в котором он критиковал все увеличивающуюся концентрацию власти в наше время. Также, как и в прежние времена, увеличение этой концентрации ведет к злоупотреблению, безответственности и к использованию разрушительного оружия. Конечно, мы сейчас живем в период, когда концентрация экономической и политической власти достигает еще более высокого уровня, чем тогда, когда Сорокин писал это. На Западе мы каждый день читаем о «союзах» между гигантскими корпорациями с «миллиардными» активами, которые стали общим местом в жизни западных стран (как внутри стран, так и между ними). Подразумевается, что это делается для выгоды держателей акций, чтобы «повысить их ценность», но человеческая цена здесь не учитывается, так как доходы этих корпоративных объединений прежде всего приводят к увольнению рабочих, труд которых становится ненужным. Общественный договор о гарантии занятости на всю жизнь взамен мира и стабильности со стороны рабочих, который де-факто существовал во многих индустриальных странах, теперь сместился на обочину. Сорокин также говорил о правителях, которые сегодня бесконтрольно применяют оружие массового уничтожения. Он был одним из первых и твердых оппонентов вьетнамской войны и был против бомбардировок и химического оружия, применявшегося Соединенными Штатами. Его смелая оппозиция войне была важным фактором того, что студенты социологии вновь открыли его и воспринимали его как икону на конгрессе Американской Социологической ассоциации в Сан-Франциско в 1969 г. Я там был и стоял под лозунгом «Сорокин жив!» на встрече, которую «радикальные» студенты организовали на социологической конференции, посвященной памяти Сорокина. Что сказал бы Сорокин сегодня об американских бомбардировках гражданских целей в Судане (фармацевтический завод) и посылке «умных бомб» в другую исламскую страну - Ирак, который якобы имеет оружие массового уничтожения? Молчаливая война Соединенных Штатов против «демонизированного» правителя и фактическая «холодная война» против Ирана, - это характерные черты американской политики, которую Сорокин вряд ли одобрил бы. На самом деле сейчас, когда я обращаюсь к этой аудитории, мир является свидетелем

лем жалкого спектакля об импичменте американского президента. Сорокин, казалось, имел доступ к волшебному хрустальному шару, когда он писал в «Американской сексуальной революции»: «... секс в различных формах теперь является постоянным и необходимым компонентом нашей политической жизни» [6 с. 50].

Опросы общественного мнения в США показывают, что американская общественность, с одной стороны, знает о моральном разложении высших должностных лиц в республике, а с другой - экономическое процветание страны заставляет принять позицию «страуса, прячущего голову в песок» для того, чтобы не потревожить мир и покой хорошего времени (см. карикатуру из местной газеты). Наверное, можно ожидать, что в период ускоренного упадка чувств публики предпочтет либерализацию аскетизму. Но это для работ Сорокина будет указанием на то, что большая часть его анализа периода поздней модернизации до сих пор справедлива. Да, как я и предполагал, Сорокин предвидел, что за этой стадией деморализации будет новый, более здоровый «интегральный период», как в политическом, так и в социальном развитии, и, конечно, как он говорил в своем президентском обращении к Американской Социологической ассоциации в 1965 г., это будет способствовать переходу социологии в следующую творческую фазу, которая будет называться «интегральной социологией». Я думаю, что есть причина, почему сама тема «интегрального» ренессанса может найти особенный смысл на русской почве, но также и на американской почве, и это оттого, что обе эти почвы культурно богаты. Но это должна быть часть будущего научного исследования, опирающегося на наследие Питирима Сорокина.

*Пер. с англ. Г. Е. Полторановой
Под редакцией В. В. Козловского*

* Доклад представлен на международном симпозиуме «Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени». Москва - Санкт-Петербург, 4-6 февраля 1999 г. Частично этот проект поддержан Центром славистики евроазиатских и восточно-европейских исследований университета Дюка. [Назад](#)

Литература

Donald N. Levin. Visions of the Sociological Tradition. Chicago: University Press of Chicago. 1995.

Gurvitch, G. Mon itin raira intellectuell ou l'exclu de la horde In: L'homme et la societe. N 1. July-September 1966.

«Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow» - президентский адрес на ежегодном конгрессе Американской Социологической Ассоциации, Чикаго, Сентябрь 1965 г. напечатана в American Sociological Review, 1965. Vol. 30 №6.

Mills C. W. The Sociological Imagination. New York: Oxford University Press. 1959.

Huntington S. P. The Clash of Civilization and the Remaking of the World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

Russia and the United States. N. Y.: E.P.Dutton and Co. 1944.

Lipset S. M. Continental Divide: the values and institutions of the United States

and Canada. New York: Routledge, 1990.

Thiery E. LA Transformation economique de la Russie. In: Paris: economiste Européen, 1914.

Tiryakian E. A. The Changing Centers of Modernity In: Comparative Social Dynamics; Essays in Honor of Samuel N. Eisenstadt. Ed. by Cohen E., Lissak M., Almagor U. Boulder, CO; Westview Press, 1985.

ReOrient: global economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998).

Tiryakian E. A. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change In: Social Forces, 59, N4. 1981.

Tiryakian E. A. From Underground to Convention: Sexual Anomie as an Antecedent to the French Revolution. In: Current Perspectives in Social Theory. Ed. by McNall S. G. 5. 1984. P. 289-307.

Г. Шлее

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ В ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

Связи, пересекающие групповые границы (cross-cutting ties), по крайней мере в том смысле, в каком они рассматриваются в данной статье, всегда предполагают наличие групповой границы, которую они пересекают. Вторая компонента - собственно сама пересекающая границу связь - может быть различного вида. Это может быть диадическая родственная связь, скажем, отношения «дядя - племянник», супружеские узы или отношения свойства. Однако это может быть и другой тип групповой аффилиации, поскольку число групп, которые можно образовать, используя различные критерии группового членства и различные способы их формирования, практически бесконечно, а вероятность того, что две такие группы, выделенные на основании разных критериев, будут одинаковы, крайне мала. Таким образом, можно предположить, что границы групп пересекаются и что одни и те же люди могут быть членами разных групп.

Когда о пересекающих групповых границах связей говорят в контексте войн и набегов, то их, рассматривают, главным образом как факторы, противодействующие этим формам вражды. Связи, которыми, как в случае отношений свойства, люди связаны с представителями противостоящей этнической группы или клана, смягчают конфликт между группами или, по крайней мере, регулируют или контролируют проявление насилия. Человек, вероятнее всего, будет избегать того, чтобы нанести вред своим родственникам и, скорее всего, предоставит это другим членам своей группы. М. Боллиг следующим образом обобщает такие гипотезы: «Те, кто одновременно принадлежат двум группам, будут стараться, чтобы конфликты между ними не приводили к насилию. В случае конфликта обе стороны будут требовать от них проявления лояльности к себе, выходом из такой ситуации может быть только быстрое и ненасильственное разрешение конфликта» [1, р. 23]. Межгрупповые, т.е. пересекающие групповые границы связи, ведут к особо острому конфликту лояльностей в тех случаях, когда эти связи представляют особую ценность для деятелей.